

RU

Синтез восточных и чувашских поэтических традиций в поэзии Педера Яккусен

Софронова И. В., Владимирова О. Г.

Аннотация. Цель настоящего исследования – определить особенности синтеза восточных и чувашских поэтических традиций в творчестве чувашского поэта Педера Яккусен (Яковлева Петра Яковлевича). В статье рассматривается своеобразие использования образов природы, поведения лирического героя, лексики, требующей интерпретации из области чувашской мифологии, истории, литературной классики. Научная новизна исследования заключается в том, что творчество поэта впервые рассматривается в аспекте компаративистики, точнее в сравнении с традициями восточной литературы. В процессе работы были проанализированы лирические произведения П. Яккусен, опубликованные в сборнике «Кёмел кимё» («Серебряная лодка», 2010 г.), выявлены отсылки к традициям восточной (китайской) поэзии, которые проявляются на лексическом, образном, пафосном, символическом, детальном уровнях стихотворений. Полученные результаты показали, что основные особенности лирики П. Яккусен, такие как уделение внимания маленьким и незначительным деталям окружающего мира, размышление о единстве добра и зла, являются проявлением традиций чувашского мировидения, сходного с восточными учениями. Размышление о судьбе родного языка и народа, изображение единства природы и человека являются основными мотивами творчества поэта.

EN

Synthesis of Eastern and Chuvash poetic traditions in the poetry of Peder Yakkusen

Sofronova I. V., Vladimirova O. G.

Abstract. The research aims to determine the features of the synthesis of Eastern and Chuvash poetic traditions in the creative work of the Chuvash poet Peder Yakkusen (Yakovlev Peter Yakovlevich). The paper examines the peculiarity of the use of images of nature, the behaviour of the persona, vocabulary that requires interpretation from the field of Chuvash mythology, history, literary classics. The research is novel in that it is the first to consider the poet's creative work in the aspect of comparative studies, more precisely in comparison with the traditions of Eastern literature. The authors have analysed P. Yakkusen's lyrical works published in the collection 'Кёмел кимё' ('Silver Boat', 2010), have identified references to the traditions of Eastern (Chinese) poetry, which manifest themselves at the levels of lexis, images, pathos, symbolism, details of the poems. The research findings have shown that the main features of P. Yakkusen's lyrical poetry, such as paying attention to little and insignificant details of the surrounding world, thinking about the unity of good and evil, are a manifestation of the traditions of the Chuvash worldview, which is similar to Eastern teachings. Reflection on the fate of the native language and people, the image of the unity of nature and man are the main motifs in the poet's creative work.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена существующим интересом к вопросу диалога литератур в литературоведении. Наличие в разных национальных литературах схожих черт и явлений может говорить о взаимопроникновении элементов одной литературы в другую, которое происходило по историческим причинам, в силу специального интереса одного автора к наследию иной, неродной литературы или же на бессознательном уровне. В чувашском литературоведении традиционным считается изучение русско-чувашских, европейско-чувашских литературных отношений. Однако со временем выявляется, что европоцентристский подход к изучению особенностей письменной словесности нерусскоязычных народов оставляет вне поля зрения многие стороны национального поэтического языка и образов, имеющих многовековую историю

устной эволюции. Встает необходимость изучения особенностей чувашской словесности через восточный ракурс, в силу того, что чувашский язык относится к тюркской языковой группе. Древние тюрки в своем историческом развитии имели тесные контакты с китайцами, индоиранскими племенами, испытывали влияние мусульманской культуры. Все это оставило след в мировидении, фольклоре, языке чувашского народа и проявляется в творчестве отдельных авторов.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: 1) проанализировать лирические произведения П. Яккусен, вошедшие в сборник «Кёмёл кимё», который представляет собой наиболее полное собрание его стихотворений; 2) выявить черты, схожие с традициями восточной (китайской) поэзии; 3) проанализировать пути и причины их проникновения.

В ходе работы были использованы следующие методы исследования: художественный анализ, интертекстуальный анализ, описание, сравнение.

Теоретической базой исследования послужили труды Н. И. Конрада (1972) по сравнительному литературоведению и истории восточной литературы. Кроме того, научные разработки региональных ученых легли в основу изучения творчества поэта. Это труд по сравнительно-сопоставительному исследованию произведений чувашской литературы с образцами региональной и мировой литературы (История чувашской литературы..., 2017) и монография Н. Г. Ильиной (2013) по анализу художественного мира П. Яккусен.

В качестве материала был использован сборник поэта: Яккусен П. Кёмёл кимё: савăсем. Шупашкар: Çĕнĕ вăхăт, 2010.

Практическая значимость научного исследования заключается в том, что оно расширит рамки изучения особенностей чувашской поэзии 80-90-х годов XX века, внесет вклад в область чувашского сравнительно-сопоставительного литературоведения. Результаты исследования могут найти применение при изучении творчества П. Яккусен в общеобразовательной и высшей школе.

Обсуждение и результаты

Педер Яккусен известен в чувашском мире как многогранный мастер слова. Он языковед, литературовед, критик, переводчик, поэт и детский писатель. Имя поэта П. Яккусен появилось в чувашской литературе в 80-х годах XX века. Его поэзии свойственны восхваление природы, размышление над философскими проблемами бытия. Исследователи, в зависимости от своего возраста, научных интересов, цели исследования, трактовали его творчество по-разному. Многие сходятся на том, что поэт много пишет об одиночестве, уединении, сравнивает городскую и деревенскую жизнь, немало внимания уделяет образу природы, переживает о судьбе чувашского языка и культуры. К примеру, исследователь В. Степанов (2020) выявляет черты робинзонства в стихотворениях и поведении поэта. Н. Г. Ильина (2013) уделяет внимание отдельным образам в поэзии П. Яккусен. Она считает, что их своеобразие вызвано жизненными трудностями и непониманием окружающих, характерными для общественных отношений 90-х годов XX века.

Для творчества П. Яккусен характерен синтез традиций восточной (китайской) и чувашской поэзии. Он проявляется в использовании соответствующей лексики; фольклорных и мифологических образов; имен знаменитых людей; философского, лирического, пейзажного пафосов; особых символов. «Стихотворения по содержанию, использованию образов воды (водоемов), рисунков окружающего мира весьма близки лирическим произведениям китайской поэзии» (Софронова, 2011, с. 106). В них лирический герой созерцает природу, находит успокоение. На первый взгляд кажется, что восточные традиции в стихотворениях поэта лежат как бы на поверхности, т. е. проявляются на лексическом уровне. В одном стихотворении он пишет:

«Китай пейзажĕ евĕр туратсем
Ман чўрече умне ярапаланнă»
(Яккусен, 2010, с. 47).

«Словно китайский пейзаж, ветки
Перед моим окном переплелись»
(здесь и далее перевод наш. – И. С.).

Еще пример:

«Çўл ту синчи Китай асчахĕ пек,
Килĕшĕве халь чунăмра шыратăп»
(Яккусен, 2010, с. 95).

«Словно китайский мудрец на высокой горе,
Ищу гармонию в самом себе».

Поэт использует лексику «Китай». Переплетение веток напоминает китайские иероглифы. Для прочтения их значения нужно применить знания в области китайского языка. Для лирического героя детали природы также подобны знакам, требующим расшифровки. Их значение становится для него понятным при долгом и молчаливом созерцании. В стихотворении пейзаж чувашской деревни сравнивается с рисунками китайских живописцев. Выражение «Çўл ту синчи Китай асчахĕ» / «китайский мудрец на высокой горе» отсылает нас к текстам народных песен:

«Шурă кăттай чул синче
Кёмёл старик куртăмар...
Çав кёмёл старик шурă кăттай чул сине
Çыру çырать амăрт кайăк тĕкĕпе...»
(Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1978, с. 12).

«На белом китайском камне
Видели серебряного старика...
Серебряный старик на китайском камне
Пишет письмо орлиным пером...»

«Слово “Китай” в текстах чувашских песен это не случайное явление», – писал еще Н. И. Ашмарин (2003, с. 153). Оно «свидетельствует о том, что предки чувашей когда-то достаточно хорошо знали об этом народе» (Ашмарин, 2003, с. 153). Лексема «Китай» в текстах стихотворений П. Яккусен имеет глубокий смысл. Поэт хорошо был осведомлен о восточных учениях, особенностях изобразительного искусства. Имел представление о содержании трудов ученых, исследовавших сходство чувашского народного творчества с восточными представлениями о мире. В стихотворении «Ешĕл вĕрман ашĕнче...» («В зеленом лесу...») имеются следующие строки:

«Кам суралать тĕнлĕ, тĕнлĕ старик пек сухаллĕ, –
 Çавă пултарĕ кулма пирĕnten, йĕплеме» (Яккусен, 2010, с. 97). /
 «Кто родился мудрым, как мудрый бородатый старик, –
 Только он может смеяться над нами, подкалывать».

Слова «тĕнлĕ старик пек сухаллĕ» / «мудрым бородатым стариком» отсылают нас к образу китайского мудреца Лао Дзы. Согласно легендам, он при рождении был седым, т. е. мудрым. Седина в чувашском тексте заменена на бороду, которую носили аксакалы, старые и мудрые люди. Стихотворение рассказывает о поиске своего места в жизни лирическим героем. Его путь проходит через зеленый, весенний лес, который переполнен злыми существами, змеями, обманчивыми миражами. В то же время здесь немало добрых знаков, указывающих верную дорогу: листья деревьев, песни дуба, зарница, надежда – детали из народных песен.

В основе восточной поэзии, в особенности японской и китайской, – изображение образа природы. Поэты разных эпох использовали этот образ в разных значениях. В первую очередь к образу природы прибегают как к объекту описания, оно проявляется в изображении явлений природы, окружающей среды, наслаждения ими. Каждый автор через рисунок природы передает свое душевное состояние, размышления. Образ природы истолковывается как художественный троп.

Образ природы в творчестве П. Яккусен имеет схожие черты с соответствующим образом в китайской поэзии. Природа в его стихотворениях живая, чистая, с ней можно общаться. Лирический герой ощущает себя частью природы: «Эпĕ курăк пулса шăтрăм...» (Яккусен, 2010, с. 194). / «Я пророс травой»; «Эп – сұмър тумламĕ...» (Яккусен, 2010, с. 191). / «Я – капля дождя». «То, что поэт нашел свое предназначение, оценка самого себя, осознал себя частью природы – философская категория (“самосознание”). Осознание гармонии основой и смыслом жизни, описание глубоких чувств близко учению самадхи в индийской мифологии (очищение мыслей, ума через наблюдение за каким-либо явлением. Рассматривая природный объект, человек приходит к философскому умозаключению). Журчание воды, пение птиц, ветер в поле доводят поэта до катарсиса, трепету от красоты, в результате чего происходит очищение» (Абрамов, 2018, с. 128). Лирический герой П. Яккусен наслаждается пением жаворонка, радуется росту травы, готов расцеловать каждый желтый цветок – все это следствие катарсиса, желание любить каждую деталь огромного мира.

«Каллех чăматăп ешĕл чăтлăха.
 Вĕрман ешерĕвне сирсе ишетĕп.
 Ыр сұт çанталăк панă хăтлăха,
 Чĕре таппи пек, чи шалтан сисетĕп.
 Ытам сарать кашни упа сарри:
 Хăлаçăмран сарлакарах хăлаçĕ, –
 Пулать-и сĕр çинче кунтан ырри?
 Çак ырлăхра усал пулма юрать-и?»
 (Яккусен, 2010, с. 43).

«Опять окунаюсь в зеленую чашу.
 Плыву сквозь зелень леса.
 От доброй природы благо чувствую,
 Словно биение сердца изнутри.
 Объятия раскрывает каждый папоротник:
 Его ветки больше моей сажени, –
 Что может быть добрее этого на земле?
 Как можно быть злым в таком блаженстве?»

Одним из любимых объектов природы поэта являются водоемы. Это река Шетьма, круглое озеро, сюда же относятся летний теплый дождь и снегопад. Что интересно, в окрестностях родной деревни поэта нет ни одного озера. Но в поэзии часто присутствует образ круглого озера, который символизирует чистоту, стремление к чему-то светлому, сакральному («Ешĕл вĕрман ашĕнче...» / «В зеленом лесу»). Река – течение времени, жизни («Ачалăха тепре курсасăн...» / «Когда встретишь детство еще раз»). На водной глади, как в зеркале, отражаются мысли и переживания, прошлое.

«Шыв сийĕнчи шевле вылянчăк,
 Шыв витĕр курăнать шур чул.
 Шыв хĕррине килсе кулянтĕн
 Çын хушшинче хаваслă чух...»
 (Яккусен, 2010, с. 113).

«Зарница над водой игрива,
 Сквозь воду виден белый камень.
 Пришел на берег погрузить,
 Хотя был весел среди людей...»

В чувашском миропонимании водоемы связаны со злым началом. Это не окультуренное пространство, поэтому здесь обитают нечисти. В восточных учениях же вода, как и огонь, является средством очищения. Поэт интерпретирует общепринятое знание в своем стихотворении.

В творчестве П. Яккусен немало стихотворений, в которых противопоставляется городской шумный мир деревенскому покою. «Это исходит от философского мироощущения, предпочтения одиночества и единения с природой» (Абрамов, 2018, с. 131). Лирический герой П. Яккусен оставляет городскую грязь, бездушные людей, даже дружеское застолье ради деревенской жизни и погружения в мир природы.

«Сётел йăтайми апат-çимёç тавра
 Çынсем çён сула кётсе илчёр,
 Атя, шăппăн-шăппăн тухар та тарар, –
 Шап-шурă вăрман аса килчёр»
 (Яккусен, 2010, с. 31).

«За столом, заставленным угощениями,
 Пусть другие встречают Новый год,
 Давай тихо-тихо с тобой убежим, –
 Мне вспомнился белый-белый лес».

Стремление убежать от людского непонимания, жестокости в деревенскую тишь В. Степанов (2020, с. 31) называет «робинзонством». На наш взгляд, в этом проявляется одна из особенностей восточной философии: «Древнеиндийские монахи специально уединялись в лес, чтобы прервать связь с суетным миром. Наградой была свобода и жизнь в гармонии с самим собой» (Васильев, 1983, с. 265). «Родная деревня для него становится центром мира, пуповиной земли. Согласно чувашскому мировоззрению, только в центре мира человек чувствует себя спокойным, счастливым, защищенным. Чувашская земля в творчестве поэта это не только реликтовый Эдем, это – центр вселенной, все в космосе сложено по образу и подобию его Родины...» (Степанов, 2020, с. 62).

В позднем творчестве П. Яккусен образ природы перетерпел художественные преобразования. В начале творческого пути данный образ это – красивый, добрый рисунок, соответствует чувашскому миру, счастливой деревенской жизни. В поэзии 90-х годов XX века образ природы становится художественным тропом, через который выражаются жизненные трудности, недостатки, душевные переживания. Образы холодного осеннего дождя, метели, грязной дороги имеют иносказательное значение. Надо подчеркнуть, что все эти образы являются для чувашской литературы традиционными, типичными (Владимирова, 2014; Сарбаш, 2019; Якимова, 2019). В некоторых случаях рисунок природы соответствует мифологической модели мира:

«Çеçен хир варринчи вăрманта
 Çын ури таптаман вырăнта
 Йăлтăр-йăлтăр сiset çавра кўлёр...»
 (Яккусен, 2010, с. 153).

«В лесу в середине степи,
 Там, где не ступала нога человека,
 Сверкает круглое озеро».

Чистое поле, дуб в середине чистого поля или же желтый цветок в середине поляны, озеро в середине темного леса – все это соответствует чувашской модели мира. Здесь сосредоточен сакральный чувашский мир. Лирический герой ведет себя аккуратно, находит душевное успокоение, гармонию. Центр мира для него подобен храму. Здесь лирический герой может общаться с собой, Богом, очистить свою душу. Здесь же он может поговорить и с духами предков. В чувашской мифологии есть представление о том, что души предков превращаются в деревья. Напоминая читателю, что мы есть частица природы, поэт пишет:

«Эс юман раттинчен, эс – çăка раттинчен,
 Сарă сулçă – эс тăкнă куçсуль» (Яккусен, 2010, с. 166). /
 «Ты из рода дубов, ты из рода липы,
 Желтый лист – оброненная твоя слеза».

В народном песенном фольклоре отец олицетворяется с дубом, мать – с липой. В поэзии П. Яккусен они символизируют и предков постарше, возможно, и древнюю историю чувашского народа. Сакральные места нередко связаны с воспоминаниями из детства. Лирический герой может раскрыть их красоту только духовно близкому человеку, возлюбленной, и только.

В нелегкое время детали природы приобретают символическое значение:

«Хура хёвел хулен сўнет,
 Сёмсёрленсе ўкет сёç кёлёр.
 Алла тăсатăн тўпене, –
 Пўрне вёсне килет сёçкелёр...
 Хёнпе тусанлă сукмакпа
 Утса тухат ылтăн пăланăм.
 Пёрле каяр-и юаха?
 Пыратăн-и пёрле, тăванăм?
 Тискер этем – хайне шанать,
 Ыр сын – сыннах-çке ёненесшён!
 Паян хура хёвел анать,
 Атя, сар хёвеле кётмешкён»
 (Яккусен, 2010, с. 167).

«Черное солнце тихонько гаснет,
 Падает грубо его зола.
 Руки протягивая к небу, –
 На руки падают ветки...
 На грязную и пыльную дорогу
 Выходит золотой олень.
 Пойдем с тобою вместе в сказку?
 Ты идешь вместе, друг?
 Злой человек – в себя лишь верит,
 А добрый – хочет верить человеку же!
 Сегодня черное солнце садится,
 Пойдем встречать желтое солнце».

Стихотворение представляет собой образец философской лирики. Оно насыщено символами. Поэт выражает надежду на то, что тяжелые времена пройдут и вместо черного солнца завтра обязательно взойдет желтое солнце. Черное солнце олицетворяет тяжелые времена. Лирический герой достойно пережил этот непростой период. Его душа не огрубела под грузом трудностей. В душе рождается надежда на лучшее, которая проявляется в виде зеленой ветки. Золотой олень – образ чувашской мифологии. В преданиях он ведет за собой народ в благоприятные для жизни места. Завтрашний день, где будет светить уже желтое солнце, подобен сказке.

«Китайская поэзия отличается тем, что она переполнена намеками, символами и деталями, отсылающими читателя к историческим фактам, образам фольклора и восточным учениям» (Конрад, 1972, с. 155). Эти особенности наблюдаются и в поэзии П. Яккусен. Так, в его стихотворениях созданы строки, напоминающие выражения из народных песен, встречаются упоминания имен чувашских классиков (К. Иванов, М. Сеспель), а иногда и реминисценция на строки из их стихотворений, использование оставивших след в истории человечества имен знаменитых людей (Чингисхан, Веспуччи, Колумб), назаний животных (динозавр, мамонт), богов (Богородица, Христос, йирих – дух, исцеляющий от болезней, Улып – великан). Данный элемент способствует углублению смысла стихотворения. Так, для передачи смутного состояния 90-х годов XX века, жизненных трудностей П. Яккусен использует образы злых мифологических существ: *аҫтаха* – дракон, *вупӑр карчӑк* – старуха-колдунья, *эсрель* – дух смерти. В стихотворениях появляются образы поздней осени, дождливой погоды.

Поэт обеспокоен проблемами будущего чувашского языка, родной деревни, чистоты и свободы человеческих душ. Каждую проблему он демонстрирует через соответствующие художественные образы. Нелегкая обстановка в стране заставляет чуваша-земледелца покинуть отчий дом, родную деревню и отправиться на поиски лучшей доли в город или еще подальше. Постепенно начинают закрываться дома, пустеют деревни. В стихотворении «*Акӑр ҫулне ҫутатса...*» («Освещая ночную дорогу...») для передачи грусти при виде опустевшего родительского дома использованы названия добрых духов, охраняющих хозяйственные постройки: *йӗрӗх* – хозяин амбара, *хӗртсурт* – домовый, *пирӗшти* – ангел-хранитель. Духи-хозяева опечалены намерением хозяина заколотить дом. Они покидают этот дом, эту деревню. Эти духи способны оберегать чуваша, помогать ему только в пределах деревенского мира. В городе есть свои домовые. Деревенские духи обеспокоены тем, что стали никому не нужными, что прервалась связь поколений. Опечалена и белая береза перед домом из-за ухода хозяина. В детстве он немало времени проводил в тени дерева, поэтому его поэт называет волшебником-сказочником. Детские мечты хозяина остались не воплощенными в жизнь, что печалит березу. Она как бы его страдания берет на себя, вину за нереализованные детские мечты. В деревне таких заброшенных домов, видимо, немало. Не случайно поэт использует выражение *кичем ял* – «скучная деревня». Приходит в голову, что когда-то улицы этой деревни были шумными, веселыми, полны детских голосов. Трудности и лишения непростой эпохи передаются через выражение *акӑр ҫулӗ*. В чувашской мифологии есть злой персонаж *акӑр йытти*. Ф. Сюин в своем произведении «Улып» (1996 г.) переводит его как «пёс преисподней». Соответственно, выражение *акӑр ҫулӗ* можно перевести как *дорога в преисподнюю*. По ней из другого мира к нам приходят несчастья и лишения, беды. В путь они отправляются в ночное время, период, когда активны злые духи. Имя злого духа не упоминается, но демонстрируется то, что под его влиянием разрушается этот теплый, уютный, одушевленный дом, а точнее, весь чувашский мир. «Перед глазами встает страшная картина гибели чувашской деревни» (Ильина, 2013, с. 114).

Немаловажно здесь и значение образа креста. Хозяин досками крестом заколачивает окна. Он таким образом хоронит свое прошлое, свои детские мечты, память о родителях, возможно и чувашский мир. Согласно поверьям, человек в своей жизни три раза меняет деревянный дом: первый дом был построен его отцом, чтобы вырастить своих детей; второй он построит сам – для своей семьи; а третий дом – гроб – ему построят односельчане – для вечной жизни. У лирического героя последовательность смены домов останавливается на первом же этапе. Городская купленная квартира бездушна, не имеет традиций и корней. У нее нет связи ни с предками, ни с чувашским миром.

В восточных учениях часто доброе и злое начала находятся в неразрывном единстве. Один не может существовать без другого. Данное умозаключение характерно и для чувашского мировоззрения:

«Шӑнтса кӗрхи ҫилсем вӗрет
Ҫаранлӑ уйӑм-хирӗм урлӑ.
Кун-ҫул пар лашапа ҫӑрет:
Пӗри – хура, тепри – ҫӑлт шурӑ...
Шур ҫилхепе хура ҫилхе
Яваланса пӑтрашнӑ майӑн
Эс, тухнӑскер ҫула пилпе,
Ачу валли Сӑмах тупайӑн»
(Яккусен, 2010, с. 175).

«Веет холодный осенний ветер
Через травянистые луга и поля.
Судьба едет на паре лошадей:
Одна – вороная, другая – белая...
Когда белая и черная гривы
Переплелись неразрывно,
Ты, вышедший в дорогу с благословением,
Найдешь Слово для своего ребенка».

В восточных учениях добро и зло не враждуют между собой, через определенное время сменяют друг друга. Так же и в поэзии П. Яккусен добро немислимо без злого начала, они как бы сплелись друг с другом.

В стихотворениях П. Яккусен, как и в восточной поэзии, прослеживаются размышления автора о смысле небольших и незначительных деталей окружающего мира, моментов человеческой жизни. Его герой видит необычное в поведении, образе животных, растений. Старается уловить то, что они хотят ему поведать. Разговаривает с жаворонками, которые подобны небольшим точкам на куполе неба, с лесными и садовыми деревьями, «детьми» ветра, луной и звездами, наслаждается красотой только что распустившегося цветка, речным камнем. В шуме ивы, воды в Шатьме, бормотании уток есть важный смысл. Лирический герой в каждом явлении замечает волшебство, пронизывающую душу красоту. В одном из стихотворений лирический герой сравнивает себя с пчелой, собирающей по всему миру красоту. Способность удивляться и радоваться красоте заставляет его наблюдать за снежными комками на деревьях в лесу и прийти к мысли, что это гнезда метели, а метель – это волшебная птица. Происходит катарсис, вследствие чего лирический герой для себя открывает новые знания. Образ природы становится для него мудрым наставником:

«Хёвел сүтин хакне пёлмешкён
Эп вёренетёп сирёнтен»
(Яккусен, 2010, с. 75), –

«Осознавать цену солнечного света
Я учусь у вас».

говорит он только что распустившимся почкам. К нему приходит осознание того, что и он когда-нибудь станет частью этой природы. Так же как и души родителей, превратившись в снегирей, теплый ветерок, серебристый месяц, продолжают оберегать его в земной жизни, так же и его душа, приняв образ белого снега, весны, летней зелени, ландыша, заново воскреснет в этом мире.

Заключение

Таким образом, восточные поэтические традиции в творчестве П. Яккусен проявляются на уровне лексики, художественных образов, выражения философских умозаключений. Их использование связано с распространением знаний о наличии восточного начала в чувашском языке и мировидении, не исключена и роль проявления подсознательного. Образы природы, любование ее деталями близки образцам китайской лирики. Для пейзажной лирики П. Яккусен характерны дополнения интерпретаций из чувашской мифологии, литературной классики, истории народа, восточных учений.

Перспективы дальнейшего исследования: комплексное изучение отдельных образов пейзажной лирики в творчестве П. Яккусен в сравнении с другими чувашскими поэтами (Я. Ухсай, И. Ивник). Подобный анализ поможет создать целостную картину проявления синтеза восточных и национальных поэтических традиций в творчестве чувашских авторов.

Источники | References

1. Абрамов В. А. Вопросы чувашского литературоведения и критики: тезисы, статьи, рецензии, обзоры / сост. И. В. Софронова. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2018.
2. Ашмарин Н. И. Чувашская народная словесность: исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В. Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2003.
3. Васильев Л. С. История религии Востока. М.: Высшая школа, 1983.
4. Владимирова О. Г. Поиски новых поэтических форм в литературе народов Урало-Поволжья // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: мат. регион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014.
5. Ильина Н. Г. Чăваш лирики (1960-1990 сұлсем): монографи / асл. ред. А. Ф. Мышкина. Шупашкар: ЧПГАИ, 2013.
6. История чувашской литературы XX века: коллективная монография: в 2-х ч. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. Ч. 2. 1956-2000 годы / отв. ред. А. Ф. Мышкина.
7. Конрад Н. И. Запад и Восток: статьи. М.: Наука, 1972.
8. Сарбаш Л. Н. Фольклор и мифология в волжском путеводителе – травелогe XIX века // Ашмаринские чтения: сб. мат. XI междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2019.
9. Софронова И. В. Восточные традиции в чувашской лирике // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 3-1.
10. Степанов В. Робинзон // Петёр Яккусен пурнăçе пултарула́хён саманчёмем (критика статьясем, калаçусемпе интервьюсем). Шупашкар: ЧПГАИ, 2020.
11. Чăваш халăх сáмахлахе: 6 томла. Шупашкар: Чăваш кен. изд-ви, 1978. Т. 3.
12. Якимова Е. Р. Художественный мифологизм в современной чувашской драматургии // Ашмаринские чтения: сб. мат. XI междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 25 апреля 2019 г.). Чебоксары: Изд-во Чувашского университета, 2019.

Информация об авторах | Author information

RU Софронова Ирина Владимировна¹, к. филол. н., доц.
Владимирова Ольга Геннадиевна², к. филол. н., доц.
^{1,2} Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

EN Sofronova Irina Vladimirovna¹, PhD
Vladimirova Olga Gennadiyevna², PhD
^{1,2} Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ muxtar2@yandex.ru, ² vladolgen@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.03.2023; опубликовано (published): 28.04.2023.

Ключевые слова (keywords): П. Яккусен; поэзия; образ природы; художественный мифологизм; чувашский мир; P. Yakkusen; poetry; image of nature; artistic mythologism; Chuvash world.